

Мария Хмелевая,
аспирантка кафедры мировой литературы
Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

**«ДВА ЧУВСТВА ДИВНО БЛИЗКИ НАМ...»: МОТИВ РОДНОЙ ЗЕМЛИ У
А.С. ПУШКИНА И МИЛОРАДА ПАВИЧА**

Современный сербский писатель Милорад Павич в разные периоды своего творчества неоднократно обращался к произведениям основоположника русской литературы. Казалось бы, между собой ничто не связывает те произведения А.С. Пушкина, которые становились прецедентными для этого писателя, кроме особого их видения М. Павичем, который, опираясь на ассоциации связанные с ними, их фрагментами или отдельными образами, свою собственную причудливую, гипертекстуальную прозу. Однако обращает на себя внимание одна закономерность: для своих рассказов М. Павич часто выбирал пушкинские тексты, в той или иной мере связанные с историей Сербии. Например, в рассказе «Принц Фердинанд читает Пушкина» выделяется несколько связей прецедентных текстов именно с сербской историей. С одной стороны, это соприкосновения, лежащие на поверхности, как, к примеру, «Сказка о рыбаке и рыбке», которая написана типично сербским размером, с другой, более глубокие, как «Гавриилиада», написанная Пушкиным во времена его тесного общения с сербскими беженцами, и «Евгений Онегин», в котором, помимо всего прочего, описывается человек, финансировавший революцию в Сербии. Образ участника боснийского освободительного движения присутствует и в рассказе М. Павича.

Эта же традиция продолжается и в рассказе «Грязи», главная героиня которого Амалия Ризнич – внучка Йована Ризнича, который известен не только тем, что был мужем Амалии Ризнич, одной из одесских муз Пушкина, но и тем, что, занимаясь торговыми сделками с южной русской армией, он материально помогал сербской революции 1804 года. Однако одни семейные узы отступают на второй план, ведь, у современницы Пушкина и героини Павича одно имя на двоих.

Амалия Ризнич, наполовину – немка, наполовину – итальянка, ставшая одной из одесских муз А.С. Пушкина, была дочерью австрийского банкира Риппа. В Одессе она была «гостьей», именно поэтому, заболев, уехала на родину, где и умерла. Мотив возвращения на родину является одним из основных в стихах, посвященных Ризнич, «Под небом голубым...». Как и Амалия Ризнич, с которой Пушкин познакомился в Одессе, поэт был здесь изгнанником. Поэтому яркий южный город назван «краем мрачного изгнанья». Хотя, если учитывать, что в стихах идет речь об умирающей женщине, можно предположить, что для нее чужим является уже весь бренный земной мир, а «иной край», в который она устремляется - мир загробный, мир вечной жизни. На это указывает, например, слово «вечный», в строке «под небом вечно голубым». Во второй строфе появляются новые указания на скорую смерть героини: «час печальный», «хладеющие руки», «томленье страшное разлуки». Именно эти, если можно сказать, «предчувствия» поэта, озвученные в первой строфе, реализуются в строфе третьей «Заснула ты последним сном. / Твоя краса, твои страданья / Исчезли в урне гробовой» [5, с. 342]. Кроме этого, поэт надеется на встречу со своей музой, о чем говорят последние строчки третьей строфы: «А с <ними> поцалуй свиданья.../ Но жду его; он за тобой...» [5, с. 432], что подтверждает мысль о загробной жизни.

Героиня рассказа М. Павича также заболевает и вдали от родного дома. Это какая-то таинственная хворь, излечиться от которой можно только на курорте «Кошачьи грязи», который, как она обнаруживает после многолетних поисков, находится в ее собственных владениях.

Безусловно, нельзя сравнивать характеры Амалии Ризнич, которой посвящены стихи Пушкина, и героини Павича, или говорить о том, что Павич пытается показать в своем рассказе, какой Ризнич была. Однако мы можем говорить о том, что сербский писатель заставляет нас задуматься о том пласте информации об Амалии Ризнич, который недоступен нам, обнаружить, как мало, в сущности, мы знаем о ней как о человеке. Для нас она представляет интерес, только как объект, вдохновивший великого поэта на создание бессмертных стихов, однако нам совершенно неизвестно, каким она была человеком, и вряд ли когда-нибудь станет известно. Таким образом, с одной стороны, он демонстрирует себе и нам, какой может быть женщина, которая носит одно имя с возлюбленной Пушкина, насколько схожи их судьбы и схожи ли, но, одновременно и очерчивает круг новых вопросов, связанных уже не со стихотворными текстами Пушкина, а со своими рассказами.

Обратившись к теме родной земли в рассказе М. Павича, мы обнаруживаем его связь и с другим пушкинским стихотворением - «Два чувства дивно близки нам». В нем поэт размышляет о любви к Родине и к ее неизменным атрибутам - «родному пепелищу» и «отеческим гробам».

Во второй строке первой строфы поэт выражает уверенность в необходимости этой любви: в ней «обретает сердце пищу», наполняет его жизнь смыслом и заставляет биться это сердце. Какое-то время героине рассказа М. Павича пищу духовную заменяет пища материальная: она увлекается «девятым видом искусства, тем самым, который требует выучки

скрипача и памяти алхимика», то есть кулинарией. «— Еда — мой единственный друг, — с упреком говаривала барышня Ризнич своим друзьям, и действительно, ее огромная венская библиотека была целиком посвящена алхимии вкуса и запаха. Она была до потолка заполнена сочинениями по истории кулинарного искусства, сборниками, где обсуждались религиозные ограничения, связанные с питанием, отказ пифагорейцев употреблять в пищу бобовые, посты христиан и запреты на свинину и алкоголь у мусульман» [3, с. 105]. Одновременно становится очевидным, что еда для Амалии, которая возможно не отдает себе в этом отчета, является маркером национальной и религиозной принадлежности. И действительно, ни один путешественник не упустит возможности попробовать национальную кухню страны, в которую он прибыл. Это является не только проявлением любопытства, но и служит некоторым пропуском в новое общество. Стоит только вспомнить мифологическое мышление, в котором часть равна целому, или сказки, в которых герой должен отведать угощения Бабы Яги, чтобы стать «своим» в мире мертвых [4].

И Амалия много путешествует, и в основном для того, чтобы попробовать новые блюда, вначале для развлечения, а затем потому, что этого требовала ее болезнь: «путешествовать по знаменитым ресторанам в третий раз госпожу Амалию заставляла именно ее болезнь, которая требовала самых изысканных блюд, причем таких, которые ей раньше не нравились». Другими словами, Амалия понимает, что сердце требует пищи, но не понимает какой.

Конечно, можно предположить, что М. Павич, как и многие постмодернисты, затронул одну из важнейших современных проблем - потребления. По мнению Ж. Бодрийера [1], общество потребления - это общество самообмана, где невозможны ни подлинные чувства, ни культура, и где даже изобилие является следствием тщательно маскируемого и

защищаемого дефицита. И действительно, путешествия Амалии, посещения ресторанов не могут заполнить ту пустоту в ее сердце, которая, на наш взгляд и является причиной ее болезни. Современный человек подменяет вещами, путешествиями, едой действительно важные для него вещи, такие как любовь к своей стране, поиск гармонии с миром. Амалия не достаточно прислушивается к тому, чего хочет ее сердце, и поэтому заболевает. То есть можно вести речь о вытеснении, как о защитном механизме, направленном на минимизацию отрицательных переживаний за счёт удаления из сознания того, что эти переживания вызывает. Удалённые из сознания, эти элементы, однако, не пропадают из памяти и не перестают влиять на поведение человека. Часто эти переживания выливаются в невроз, физическими симптомами которого, кроме всего прочего, являются головные, сердечные боли, боли в области живота. Можно предположить, что корни болезни героини рассказа М. Павича – в подобном неврозе. «Ну, болячка моя, что же ты так разыгралась! – говаривала она, когда у нее начинались колики, продолжительные, как сложноподчиненное предложение, причем по мере того, как они становились все более продолжительными, все более краткой была ее речь, которая, казалось, уступала место боли» [3, с. 110]. Физические страдания заставляют ее искать все новые и новые блюда. На самом же деле героиня рассказа не может найти своего места в жизни.

Однажды она узнает, что «где-то в Европе есть лечебные грязи, которые лечат такие болезни, как та, что носит в себе и кормит Амалия Ризнич, а в это время ее болезнь действительно начала требовать все больше и больше пищи» [1, с. 112]. Героиня отправляется на поиски этих грязей. Остановимся на символике образа грязи, почвы, амбивалентности мифологического восприятия этого символа. Почва, с одной стороны, дает жизнь: из нее произрастают деревья и растения, плоды которых позволяют жить человеку и животным. Однако, с другой стороны, та же земля поглощает останки и

людей, и животных, и растений, позволяя появляться новым существам. В таком случае, Родина - место не только рождения, но и смерти. Эту цикличность природы, можно перенести и на цикличность человеческих жизней. Так, Амалия Ризнич заболела и умерла, однако, через поколение появилась другая Амалия Ризнич, через некоторое время после смерти которой, может появиться и третья. Именно о такой цикличности говорит в начале рассказа сербский писатель: «все прошедшие и будущие времена года сливались в ее сознании в одно вечное время года, похожее на самое себя, как голод похож на голод. Весна снова и снова связывалась с весной, русский язык с русским, зима с зимой, и только то лето, в которое в настоящий момент была заключена барышня Ризнич, выбивалось из этой череды, чтобы ненадолго забыть свое временное место в календаре между весной и осенью».

И тут же мы снова можем говорить о мотиве любви к «родному пепелищу» и продолжить ряд: грязи – почва – земля – прах. То есть героиня не находит умиротворения нигде, кроме как на родной земле. Интересно, что и прибыв в намеченное место, она покупает арбуз и узнает от продавшего его сторожа, что хозяйка «Кошачьих грязей» - она сама. «А бог ее знает, – замечает он. - Она и сама, видать, толком не понимает. Говорят, она на Святого Прокопия не купается. Скитается где-то по свету и за одно место не держится» [3, с. 116]. Из его слов ясно, что даже этот чужой Амалии человек понимает, как нужно ей обрести свое место в мире. А, кроме того, как и в стихах А.С. Пушкин, где идет речь о любви к отеческим гробам, Амалии, у которой умерли отец и сын, ничего не остается, как быть ближе к могилам родных, которые находятся в ее родной земле. Так М. Павич описывает «встречу» Амалии и ее земли: «Амалия Ризнич, в замужестве Пфистер, на миг замерла, словно ее оглушили, потом скинула туфли, сняла чулки и шагнула прямо в грязь. В спасительный холод

своей черной и жирной земли. И эта земля приняла и объяла ее ступни, словно желая укоренить их здесь» [1, с. 116].

На этом рассказ «Грязи» заканчивается. Мы не можем сказать наверняка, излечилась Амалия от своей болезни или нет, однако умерла она, скорее всего, в этом месте. На это указывают такие обороты, как «спасительный холод своей черной и жирной земли», «укоренить их здесь», которые косвенно связаны с ритуалом погребения. Таким образом, обе Амалии, и А.С. Пушкина, и М. Павича, едут лечиться на Родину, а получается так, что на Родине умирают. Тема Родины очень важна для самого Милорада Павича, впрочем, как и для многих других сербов, что обусловлено нелегкой исторической судьбой страны. Известно, что сам писатель оказался в ситуации, идентичной финалу его рассказа: «Однажды мы катались по Тамишу, - признавался писатель в одном из своих интервью, - и нам очень захотелось пить. Увидев бахчу, мы причалили к берегу и купили арбуз у сторожа, он жил в шалаше из сухих кукурузных стеблей, и у него была собака. Он одолжил нам свой нож, чтобы мы могли вскрыть арбуз. Моя сестра спросила у сторожа, добрый ли у него хозяин, на что он ответил: «Да уж, добрый, как же. Шел бы он к чертовой бабушке!» - «А кто твой хозяин?» - спросили мы и, услышав ответ, поняли, что только что купили арбуз у самих себя. Хозяином был мой дед Аца» [2, с. 268]. Современный человек, зачастую ничего не знает, о той земле (территории), с которой произошел его род, земле, которой он обязан очень многим. И не многим везет так, как Павичу, а затем и его героине, случайно соприкоснуться с землей своих предков.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. - М.: Республика; Культурная революция, 2006. - 269 с.

2. Павич М. Кровать для троих / М. Павич. – СПб: Азбука, 2005. – С. 248 – 275.
3. Павич М. Страшные любовные истории / М. Павич. – СПб.: Азбука , 2003. – с. 92-116
4. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки/ В. Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2000. – 335 с.
5. Пушкин А. С. Стихотворения / А. С. Пушкин. – М.: Художественная литература, 1983. - С. 204.
6. Словарь символов / сост. М. Адамчик. – М.: Харвест, 2010. – 562 с.
7. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни / З. Фрейд. – СПб.: Азбука, 2011. – 224 с.